

Глава 19

У Ли Фэна сегодня был хлопотный день. Вечером, после ужина, они с товарищами приготовили еще две большие порции няньгао.

Лу Лю помогал свекрови по хозяйству. Даже не убрав посуду со стола, они сразу принялись раскладывать горячее тесто по формам. Готовые бруски няньгао выставили в главной комнате, чтобы они остывали до утра.

Завтра на рассвете Ли Фэн вместе с Сань Мяо и другими мужчинами должен был отправиться в уезд продавать их.

— Возьми с собой Лу Лю, — сказала Чэнь Гуй-чжи сыну. — Он вырос в уезде, в торговой семье, уж он-то лучше вас знает, как товар продавать.

Лу Лю, который на самом деле вырос в деревне, промолчал, чувствуя, как внутри все сжимается от паники.

Ли Фэн, бросив на него короткий взгляд, отказался.

— Несколько сотен цзиней няньгао, да еще и несколько человек — в повозке места не хватит.

Раньше им всегда удавалось все распродать. У них глотки луженые, покричат погромче — и дело в шляпе.

Чэнь Гуй-чжи прикинула объем товара и согласилась.

Затем она повела Лу Лю к кроликам, чтобы научить его, как за ними ухаживать.

В деревне уход за кроликами был прост: кормить, поить да чистить клетку. Вот и все. Выживет — хорошо, нет — можно продать.

После двенадцатого месяца наступал первый, а с ним и новогодние праздники.

— Месяц продержишь — и хорошо, — наставляла Чэнь Гуй-чжи. — На Новый год съедим.

— Хорошо, я буду старательно за ними ухаживать, — пообещал Лу Лю.

Кроличий мех был мягче куриных перьев, пушистый и приятный на ощупь — совсем не то, что шерсть Эр-хуана. Лу Лю очень понравилось.

Он посадил кроликов в клетку, уложил в заплечную корзину порцию няньгао, которую ему дал Ли Фэн, и собрался домой.

Ли Фэн тем временем во дворе договорился с товарищами о времени встречи. Дождавшись, пока все уйдут, он велел Лу Лю немного подождать, а затем ворвался в дом и вытащил из комнаты спрятавшегося там Ли Тяня, чтобы задать ему трепку.

Ли Фэн был на три года старше, и его авторитет старшего брата, подкрепленный разницей в силе и росте, превращал Ли Тяня в беспомощного цыпленка, которого можно было трепать как угодно.

Ли Тянь, похоже, привык к побоям. С самого детства за все его проделки его наказывал старший брат. Увидев кулак Ли Фэна, он даже не пытался сопротивляться — только прикрывал голову и лицо, умоляя брата быть полегче и наперебой зовя на помощь то матушку, то жену. Вскоре его мольбы сменились громкими воплями боли.

Лу Лю вздрогнул.

Что случилось? Почему они дерутся?

Он испугался, что Ли Фэн может пострадать, и хотел пойти посмотреть, но его невестка, Ван Дун-мэй, оказалась проворнее. Она подбежала к двери, но та была заперта. Невестка не могла войти и отчаянно забарабанила в дверь.

— Брат, я знаю, почему ты злишься, но у нас не было выбора! — рыдая, кричала она. — Мой отец болен, а у нас с мужем ни гроша. Мы просили у матушки, но она ничего не дала, вот мы и взяли тайком. Если хочешь кого-то бить — бей меня!

Лу Лю шагнул было вперед, но его остановил Шунь-гээр.

Шунь-гээр, который весь день его избегал, теперь заговорил с ним.

— Не волнуйся. Второй брат даже не посмеет ответить, да и если бы посмел, ему все равно не справиться со старшим.

Лу Лю, вспомнив разницу в телосложении братьев, остановился.

Ван Дун-мэй продолжала кричать и плакать, умоляя Ли Фэна открыть дверь и выместить гнев на ней.

Лу Лю впервые видел такую сцену. Он был так напуган, что не смел издать ни звука.

Тем временем в комнате Ли Тянь вел себя не как брат, а скорее как побитый щенок. Он мертвой хваткой вцепился в ногу Ли Фэна, не давая ему пошевелиться, и ревел в три ручья, размазывая по лицу слезы и сопли, — совсем не по-мужски.

Ли Фэну было противно на него смотреть.

— Ты обзавелся женой и решил, что мать тебе больше не нужна? Что ж, хорошо. Иди в семью Ван зятем, я тебя не держу.

Ли Тянь, на удивление, осмелился возразить:

— Брат, не говори так! Да, я отнес кое-что в дом тестя, но что это в сравнении с твоими тратами? Ты на выкуп потратил двадцать лянов, а я всего лишь отнес немного мяса и яиц для семьи Дун-мэй. Разве это так много?

Ли Фэн криво усмехнулся.

— Ты сравниваешь себя со мной? Я что, у тебя хоть взнь на свадьбу взял? Я морил матушку голодом? Я зарился на ее сбережения?

Тут до Ли Фэна дошло: младший брат просто был недоволен.

— Если у тебя есть претензии, — сказал он, — давай посчитаемся. Верни мне деньги за землю и дом, и я заберу матушку с Сань Шунем. Будем жить каждый сам по себе.

Ли Тянь не мог вернуть такие деньги. Когда-то он тоже ходил с Ли Фэном в горы, но после трех месяцев охоты сдался.

Лес кишел змеями и насекомыми, и никакая защита не помогала. Он постоянно путал змей с травой, а однажды змея свалилась ему прямо на шею. Он закричал, и тварь метнулась ему в рот. От ужаса он тут же потерял сознание.

С тех пор он наотрез отказывался ходить в горы и предпочитал работать в поле.

Когда они переехали в новую деревню, землю разделили по числу душ.

Старая деревня Ли была небольшой, поэтому земли выделили мало: мужчинам — по два му, женщинам и гээр — по одному.

Этого хватало лишь на прокорм, но не на жизнь. Поэтому Ли Фэн тогда потратил деньги, отложенные на свадьбу, и купил хорошей земли.

Когда Ли Тянь начал работать в поле, Ли Фэн тоже не сидел без дела.

В их семье из четверых было всего двое мужчин. Шунь-гээр был еще мал, кости не окрепли, а мать уже была в возрасте. Да и в какой семье заставляют старую мать гнуть спину в поле? Поэтому, когда Ли Фэн не ходил на охоту, он тоже работал на земле.

Так, год за годом, они выбивались в люди, а теперь его брат решил предъявить ему счет.

У Ли Фэна похолодело на сердце.

Мать была права: второй сын сошел с ума.

— Твоя жена говорит, что матушка во всем неправа. Ты тоже так думаешь? — спросил Ли Фэн.

Ли Тянь съежился и промолчал.

Пристрастие Чэнь Гуй-чжи было очевидным: она во всем потакала Ли Фэну. Вся деревня это видела и понимала. Разве родители не выделяют кого-то из детей? К тому же, отец их умер рано, и Ли Фэн с малых лет ходил в горы, рискуя жизнью ради денег, из-за чего его свадьба откладывалась год за годом. Конечно, мать жалела его.

Но и младших она не обижала. У Ли Тяня, росшего без отца, теперь были и дом, и земля, и жена. Чего еще желать? А про Шунь-гээр и говорить нечего: она воспитывала его при себе, и теперь на него заглядывались многие семьи.

Его молчание ранило Ли Фэна еще сильнее.

Он больше не хотел на него смотреть и, развернувшись, пошел к выходу.

Открыв дверь, он столкнулся лицом к лицу с Ван Дун-мэй. Ее крики тут же оборвались, она забыла о своих словах, что готова принять удар на себя, и, прижавшись к стене, пропустила его. Холодный взгляд Ли Фэна заставил ее задрожать от страха, она не смела вымолвить ни слова.

Ли Фэн прошел мимо нее, увидел только своего супруга и брата и велел им идти греться в дом, а сам направился к матери.

Чэнь Гуй-чжи сидела в своей комнате. Последние дни они готовили много няньгао, и дров ушло немало. Каменная лежанка была раскалена, и в комнате стояла такая жара, что Ли Фэну стало душно.

Он потянул за воротник и сказал:

— Матушка, собирай вещи, ты и Сань Шунь переедете со мной в старую деревню.

— С какой стати я должна уходить? — возразила Чэнь Гуй-чжи.

Она была матерью и не могла просто так бросить сына на произвол судьбы, позволив жене его разорить. Пока она здесь, Ван Дун-мэй будет хоть немного сдерживаться.

— Тебе здесь слишком тяжело, — сказал Ли Фэн.

— Я и била, и ругала, и ты его только что проучил. И что, помогло? — ответила Чэнь Гуй-чжи.

— Теперь за ним нужно глаз да глаз, дом стеречь. Поговорим после Нового года.

Она сменила тему:

— Я сегодня наблюдала за Ян-гээр. Он и в работе усерден, и к тебе хорошо относится, и характер у него неплохой. Вы забрали у семьи Чэнь зимнюю одежду и тофу, так что за обман при сватовстве вы в расчете. Теперь живите дружно.

Ли Фэн согласился, но мысли о младшем брате не давали ему покоя.

Было уже поздно. Они с Лу Лю повезли домой няньгао и кроликов. На небе сияли лишь звезды и луна.

Лу Лю сидел рядом с Ли Фэном. Повозку трясло на ухабах, и их плечи то соприкасались, то расходились.

Он долго ломал голову, но так и не смог подобрать нужных слов. Он был далек от хитросплетений человеческих отношений, редко общался с людьми и не интересовался чужими делами. Сейчас он не мог найти даже простого слова утешения и лишь неуклюже пробормотал:

— Он еще молод, со временем все наладится.

В семьях, где есть дети, всегда хватает забот. Такие разговоры можно было услышать где угодно, вот Лу Лю и вспомнил эту фразу.

Ли Фэн усмехнулся.

— Молод? После Нового года ему исполнится двадцать один. В его возрасте другие уже отцами

становятся.

Лу Лю, вспомнив рыдания Ли Тяня и его жены, а затем — суровый нрав Ли Фэна и Чэнь Гуйчжи, сказал:

— Вы с матушкой всегда его опекали, он никогда не был главой семьи. Конечно, он еще ребенок.

Только став хозяином в своем доме, начинаешь понимать, как трудна жизнь.

Ли Фэн замолчал. Подумав, он решил, что Лу Лю прав.

Любого ребенка нужно воспитывать в строгости, чтобы он вырос человеком. А его младшего брата, видимо, недостаточно воспитывали.

Раньше он его защищал. Все домашние и наружные дела они с матерью брали на себя, оставляя Ли Тяню лишь мелкие поручения да присмотр за Сань Шунем.

Когда тот подрос, он всего несколько раз сходил в горы. Его учили опытные охотники, но Ли Тянь боялся, постоянно прятался за чужие спины, не мог научиться отличать змей, так и не смог привыкнуть и в итоге совсем отказался от охоты. А ведь если бы его тогда заставили, возможно, сейчас из него бы вышел толк.

А потом он женился. Женильба — это создание своей семьи. Если бы он смог стать в ней опорой, матери не пришлось бы во все вмешиваться, и конфликтов с Ван Дун-мэй было бы меньше.

Но ребенка можно проучить, и он исправится.

А Ли Тянь был как ком грязи: сколько ни бей, он таким и оставался.

Супруги ехали в темноте, освещая путь лишь одним фонарем. Лу Лю, видя, как нахмурены брови Ли Фэна, решил взять на себя часть забот.

— Я попробую, — сказал он. — Когда в следующий раз поедем в новую деревню, я поговорю с ними.

Ли Фэн согласился.

Завтра нужно было вставать рано, поэтому, вернувшись домой, они сразу затопили печь, чтобы нагреть воды для умывания. На заднем дворе залаял Эр-хуан, и пока грелась вода, Ли Фэн

пошел поиграть с ним.

Силы у него было хоть отбавляй. Несмотря на несколько дней утомительной работы и ранние подъемы, он, умывшись, и не думал ложиться спать. Даже не погасив лампу, он велел Лу Лю смотреть на его тело, трогать его.

Лу Лю был слишком честен, чтобы отказать или кокетничать. Хотя он и не знал, куда девать глаза от смущения, но, боясь, что Ли Фэн замерзнет, он заставил себя осмотреть его с ног до головы.

В доме еще не топили лежанку, и он согрел постель своим смущением. Когда Ли Фэн лег рядом, он рассмеялся:

— Такой стеснительный?

— Я раньше никогда не видел, — пробормотал Лу Лю.

— Вот еще! — фыркнул Ли Фэн. — Если бы видел, я бы с тобой разобрался.

Он рассмеялся, и на душе у него стало легче.

Сегодня был тяжелый день. Лу Лю усердно трудился на глазах у его матери и очень устал. Ли Фэн не стал его мучить, позволил лишь потрогать своего «большого петуха» и лег спать.

На следующее утро Ли Фэн встал один, велел Лу Лю поспать подольше.

Он был неприхотлив: в такой холод зачерпнул воды прямо из бочки, даже не подумав ее греть, умылся, прополоскал рот и, не позавтракав, собрался выезжать.

Но Лу Лю, беспокоясь, все же встал. Увидев это, он встревожился и быстро приготовил ему миску лапши с яйцом.

Он поджарил два яйца и, когда они были готовы, залил их водой. Лу Лю любил, чтобы бульон был наваристым, поэтому всегда рубил жареные яйца лопаткой на кусочки — так бульон получался молочно-белым.

Он помыл капусту и добавил ее в котел. Когда вода закипела, он засыпал лапшу. Блюдо выглядело просто, но было очень вкусным и ароматным.

В печи горел огонь, и вода в баке была горячей.

Лу Лю налил Ли Фэну горячей воды, чтобы тот умылся и согрел руки.

Миска горячей лапши согрела Ли Фэна изнутри, наполнив его силами.

В новую деревню он приехал с небольшим опозданием.

Чэнь Гуй-чжи ничего не сказала, но другие мужчины принялись его поддразнивать.

— Ну вот, завел себе супруга — и с лежанки не слезть! Ха-ха-ха!

Ли Фэн, загружая в повозку няньгао, улыбался во весь рот.

— Я давно встал. Просто перед выходом он увидел, что очаг холодный, и понял, что я не ел. Не отпустил меня, пока не накормил. Вот и опоздал.

При этих словах вокруг раздался дружный хохот.

— Вы только посмотрите, как его одна миска лапши осчастливила!

Чэнь Гуй-чжи тоже смеялась, но, бросив взгляд на унылого Ли Тяня, закатила глаза.

В тот день в уезд отправились не только мужчины из деревни Ли, но и Лу Ян из Шансицунь.

Лу Ян поехал в уезд продавать баоцзы. В первый раз, для пробы, он приготовил всего пятьдесят штук.

Одолжив повозку с ослом, он нагрузил на нее четыре корзины с овощами и поехал один, не взяв с собой Се Яня.

У него еще не было своего прилавка, а в лавке не хватало всего необходимого. Приехав в уезд, он оставил овощи и повозку в лавке и пошел продавать баоцзы вразнос.

Торговля вразнос требовала сноровки — нужно было выбирать правильные места.

В бедных кварталах можно было сорвать горло, но никто не купит баоцзы с мясом.

Три таких баоцзы стоили пятнадцать вэней — за эти деньги можно было купить цзинь мяса и налепить их самому.

Лу Ян направился к зданию уездного управления, а оттуда — к частным школам и академиям.

Он специально приехал в город пораньше именно ради этого.

Семьи, которые могли позволить себе обучение, на еде не экономили.

Даже у самых маленьких учеников, только начавших обучение, всегда водилась пара монет.

Главной особенностью баоцзы Лу Яна было тонкое тесто и сочная, обильная начинка.

Он знал толк в торговле. Взяв в руку большой баоцзы, он громко зазывал покупателей:

— Баоцзы! Горячие баоцзы! Тонкое тесто, много начинки! — и при этом показывал свой товар.

Кто же не любит баоцзы с мясом? Обычно все соблазняются на аккуратные, белые и пышные баоцзы, а тут — такой, что начинка темным соусом просвечивает сквозь тесто.

Лу Ян шел со скоростью, зависящей от количества прохожих на улице.

Если им интересовались, он замедлял шаг.

Вот и сейчас, у ворот академии, он увидел нескольких учеников с родителями и закричал еще громче:

— Баоцзы! Горячие баоцзы с мясом! Пять вэней за штуку! Господин, госпожа, купите баоцзы! Горячий, вкусный! Купите ребенку, на улице холодно, съест горячий баоцзы — и учиться будет лучше!

Купят или нет, зависело от того, насколько сильно захочет ребенок.

Лу Ян разломил баоцзы, который держал в руке, чтобы показать всем, сколько в нем начинки.

Он обращался к детям, но знал, кто платит деньги. Еще не продав ни одного, он уже расплылся в улыбке:

— Я здесь сегодня в первый раз, хочу со всеми познакомиться. Угощайтесь, попробуйте мои баоцзы.

Угощал он тем, что держал в руке. Кто-то, поморщившись, сказал, что он долго держал его в руках, и отказался. Это были брезгливые.

Остальные же не церемонились и быстро разобрали баоцзы на кусочки.

Даже остывший, он был восхитителен.

Начинка была из чистого мяса, без всяких овощей для объема, а тесто — тонким. В одном баоцзы был целый комок мяса, и при этом он был полностью проварен, пропитан соусом и имел равномерный вкус.

Остывшее тесто стало немного тверже, но все равно было вкуснее, чем обычная пресная лепешка. Пропитанное мясным соком, оно таяло во рту.

В торговле едой главное — не молчать.

После того как баоцзы разобрали на пробу, каждому досталось по маленькому кусочку, и Лу Ян тут же начал расхваливать свой товар:

— Мои баоцзы сделаны из свежайшего мяса, я беру и жирное, и постное. Посмотрите, начинка вся из мелких кусочков, так вкуснее, в каждом укусе чувствуется мясо. А начинку я готовлю по рецепту для тушеной свинины. Вы пробовали тушеную свинину? В трактирах тарелка такой свинины стоит восемьдесят вэней! Съешь мясо, а соусом можно еще две миски риса полить! Попробуйте тесто, оно пропитано соусом. Когда я только достал баоцзы из пароварки, сосед прибежал на запах и, не говоря ни слова, купил десять штук, а его ребенок так плакал, так просил!

Ученики у ворот академии тоже чуть не плакали от желания.

Старшие ученики, которые пришли чуть позже и не застали начала, увидели, как у ворот едят баоцзы, да еще и такие ароматные, с тушеным мясом, и те, у кого были деньги, тут же покупали себе парочку.

В академии есть было нельзя.

Поэтому они ели прямо у ворот.

Лу Ян доставал им баоцзы из своей заплечной корзины.

На дно он постелил тонкое одеяло, сверху — промасленную бумагу, а сами баоцзы накрыл чистой тканью. Все было очень опрятно. Баоцзы были горячими, и сквозь тесто просвечивала темная начинка — сразу было видно, что они такие же, как и тот, что был на пробу.

Когда один из учеников откусил половину, и аромат распространился по округе, все вокруг начали сглатывать слюну.

Горячий баоцзы с тушеным мясом был, конечно, вкуснее холодного.

Младшие ученики тут же подбежали к старшему:

— Старший брат, старший брат, вкусно?

Тот ответил, что вкусно.

Одно его слово принесло Лу Яну еще несколько заказов.

Лу Ян смотрел на него с благодарностью.

Кто-то начал торговаться:

— Пять вэней — это слишком дорого. Сделай подешевле. Тут и теста-то почти нет, двумя не наешься.

Лу Ян с улыбкой ответил:

— Большие баоцзы с мясом везде так стоят. К тому же, мясо ведь дороже муки, правда? Я кладу много мяса, если продавать дешевле, я в убыток уйду!

Все, кто вел хозяйство, знали цены на мясо и муку и понимали, что это честный заработок.

Лу Ян был не прочь посчитать вместе с ними: сколько баоцзы выходит из одного цзиня мяса, сколько нужно муки, сколько стоят мясо и мука. А ведь он не считал свою работу — замес теста, рубку мяса, да и дрова тоже денег стоят.

Если так посчитать, то купить готовый баоцзы было гораздо проще, чем готовить самому, и ненамного дороже.

Лу Ян снова крикнул: «Баоцзы с тонким тестом и сочной начинкой!», не говоря прямо, но давая понять, что рецепт у него особенный, и такой не у каждого получится.

Неужели несколько вэней не стоят такого удовольствия?

После таких расчетов пятьдесят баоцзы разлетелись вмиг, и их даже не хватило на всех.

Лу Ян с улыбкой собрал деньги, поблагодарил всех за покупку и поспешил в свою лавку. Там он открыл двери и выставил овощи на продажу.

Зимой овощи стоили дороже, от трех до пяти вэней за цзинь. Сейчас самое время было запастись на зиму. Он поставил цену на капусту пять вэней за цзинь, а если брать целую корзину — то по четыре.

Редька была дешевле — три вэня за два цзиня.

Овощи долго не залежались. Владельцы соседних лавок, увидев, что он открылся, подошли поговорить. Узнав, что он продает овощи, и еще до того, как он успел повесить вывеску, спросили цену и тут же все раскупили.

Это было хорошо. Лу Ян обрадовался. День был еще впереди, и он, собираясь в будущем вести здесь дела, хотел познакомиться и наладить отношения с соседями.

Но, обернувшись, он увидел Ли Фэна.

Лу Ян замер.

Он тут же повернулся к соседям и сказал:

— В моей лавке еще много чего не хватает, сегодня нужно прибраться. Когда откроюсь, обязательно приглашу вас в гости.

Сегодня он гостей не ждал и любезничать не стал.

Он собрал пустые корзины и вышел через заднюю дверь.

Увидев Ли Фэна, он решил поскорее вернуться в деревню, чтобы не столкнуться с ним на дороге.

Но, проходя по рыночной улице, он встретил Старину Чэня.

Лу Ян промолчал.

Раньше он и не думал, что уезд Саньшуй такой маленький.

А в это самое время Лу Эр-бао и Ван Фэн-нянь, принарядившись, с двумя цзинями мяса и банкой сахара, входили в старую деревню Ли.

Лу Лю утром управился с Эр-хуаном, покормил кроликов и, взяв немного няньгао, пошел в гости к супругу Яо.

Он еще не отблагодарил его за рыбу, и, получив от свекрови няньгао, решил отнести ему немного, чтобы соблюсти приличия.

Супруг Яо, в свою очередь, снова дал ему двух рыб.

— Холодно, мне лень с ней возиться. Если тебе нравится готовить, забирай побольше, а то мой непутевый на нее глаз положил.

Лу Лю взял рыбу, подумав, что сварит большой котел ухи и угостит матушку с Шунь-гээр.

Он радостно вышел от супруга Яо и застыл на месте: его отцы прошли мимо него и направились по тропинке к его новому дому.

К дому, где он жил с Ли Фэном.

Лу Лю замер.

От ужаса он выронил рыбу.

<http://bllate.org/book/16991/1585079>